

ЗАМЕТКИ ДИСКУССИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО КЛУБА ПО ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ

NOTES OF THE ANALYTICAL DISCUSSION CLUB ON LANGUAGE POLICY

УДК 81'272

DOI:10.37892/2713-2951-2-10-193-201

ШЕСТНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ ДИСКУССИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО КЛУБА ПО ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ

(Москва, Институт языкознания РАН, 24 марта 2022 г.)

THE SIXTEENTH MEETING OF THE ANALYTICAL DISCUSSION CLUB ON LANGUAGE POLICY

(Moscow, Institute of Linguistics, RAS, 24 March, 2022)

24 марта 2022 г. в Институте языкознания РАН состоялось шестнадцатое заседание Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике, которое прошло в онлайн-формате на платформе Zoom. На заседании с докладом на тему «Кочевые школы в системе образования для народов Севера: Языковые аспекты» выступила *Александра Николаевна Терёхина* – к.и.н., социальный антрополог, этнолог, научный сотрудник Арктического научно-исследовательского стационара Института экологии растений и животных УрО РАН (г. Лабытнанги, ЯНАО).

Доклад Александры Николаевны был посвящен такому феномену в системе образования, как кочевые школы. Она рассказала об основных этапах в образовательной политике в отношении кочевого населения, о том, что входит в понятие «кочевые школы» сегодня, и о своих наблюдениях за кочевыми школами Ямало-Ненецкого автономного округа, Республики Саха (Якутии) и Красноярского края.

Александра Николаевна имеет опыт полевой работы по данной теме с 2012 по 2017 гг. В 2012 г. она исследовала дискурсы о кочевых школах в Якутии и Амурской области. Непосредственно наблюдать работу кочевых школ или в ней участвовать ей удалось на Таймыре (2012, 2013) и Ямале (2015–2017). Так, когда в селе Носок (Таймыр) случились проблемы с организацией «нулевого» класса в школе-интернате, на рыболовецкой точке Хинки месяц с дошкольниками велась подготовка к учебе в надувных боксах. В новорыбинской тундре (Таймыр) работала разновозрастная кочевая школа для одной семьи (дошкольное и начальное образование), поскольку в ближайшем поселке Новорыбная малокомплектная школа

не предполагала проживание в интернате, и детям из кочевых семей приходилось останавливаться у родственников. В настоящее время на Таймыре все кочевые школы закрыты. В 2015–2016 гг. Александра Николаевна в ходе этнографической экспедиции работала воспитателем кочевой группы детского сада в семьях оленеводов-частников Ямальского района ЯНАО и вела занятия преимущественно на ненецком языке. В 2017 г. она наблюдала за работой еще нескольких кочевых детских садов на Ямале.

Еще в XIX – начале XX в. встречаются единичные примеры энтузиастов-просветителей, которые приезжали на стойбища преподавать (например, на Кольском полуострове, в Тюменской и Якутской областях). В советский период обучение в условиях кочевья получает более системный характер. В первые десятилетия советской власти (1920-е – начало 1930-х годов.) открываются первые школы с проживанием для народов Севера, обучение в которых происходит на добровольной основе. Существует установка на преподавание на родных языках, составляется программа с промысловым уклоном. Пока система школ-интернатов настраивается, появляются так называемые «красные чумы», или «красные яранги», которые работают в основном со взрослым населением, а также кочевые школы, когда учителя приезжают к младшим ученикам на стойбища. При этом они стараются уговорить родителей отдать детей в школу-интернат. С середины 1930-х до конца 1950-х годов школьная программа постепенно унифицируется по всей стране с преподаванием на русском языке. Кочевые школы признали не соответствующими советским образовательным стандартам и начали ликвидировать. С конца 1950-х до середины 1980-х годов – классический период школ-интернатов. Вводится всеобщее обязательное среднее образование, детей забирают в школы-интернаты без учета пожеланий родителей. Кроме того, происходит планомерная русификация, а детям в интернатах запрещают говорить на родном языке. В середине 1980-х – начале 2000-х годов изменяются программы: постепенно вводится преподавание родных языков и этнокультурный компонент, смягчается контроль, происходит децентрализация образования, открываются кочевые школы нового типа. С 2010-х годов начинается обратный процесс унификации образовательных программ, отменяется обязательный этнокультурный компонент, специфический для каждого региона.

Сегодня основным способом получения среднего общего школьного образования для кочевого населения остается обучение в школах-интернатах. Наряду с ними существуют школы-интернаты семейного типа, где дети проживают не по возрастному принципу, а по семейному, что облегчает процесс адаптации, малокомплектные школы, которые позволяют детям небольших населенных пунктов оставаться в семье, и кочевые школы. В тех регионах,

где программа по переводу на оседлость в свое время прошла успешно, женщины с детьми в основном проживают в поселках и дети учатся в поселковых школах.

Под кочевыми школами понимают очень разные типы организации учебного процесса. Школы, имеющие статус «кочевые», могут быть как реально кочующими, так и стационарными. Стационарные кочевые школы расположены на родовых угодьях семей, при этом родители могут кочевать рядом и часто приезжать. Кочевые школы могут охватывать разные ступени образования: дошкольное образование (таких школ большинство), начальное и основное (до 9-го класса); а также дополнительное образование в форме детского лагеря. Кочевые детские сады могут иметь абсолютно разные формы: детский сад на фактории, на рыболовецкой точке, на стойбище оленеводов или на летнем стойбище недалеко от поселка. Кроме того, может различаться график работы школ: весь учебный год, две четверти или только летний период. Учитывая эти особенности, Александра Николаевна предлагает такое определение кочевой школы – это учебное заведение любой образовательной ступени для мобильных групп коренного населения, максимально приближенное к условиям их жизни или непосредственно включенное в них. В последние тридцать лет кочевое образование в том или ином виде реализуется в Якутии, Амурской области, Ненецком АО, на Таймыре, в Эвенкии, в ХМАО, на Чукотке, в ЯНАО. В настоящий момент по всей России функционирует около 35 кочевых школ. Стоит отметить, что кочевые школы не похожи одна на другую, они могут возникать, отвечая потребностям конкретной семьи, и некоторые из них существуют недолгое время, пока в них есть необходимость. Кроме того, в разных регионах могут быть различные цели и предпосылки для организации кочевых школ. Так, в Якутии, которая в свое время стала флагманом кочевого образования, цели формулировались как возрождение традиционной культуры, образа жизни, языков коренных народов, были разработаны законы и методические материалы. А на Ямале, где с 2010 г. начало развиваться кочевое образование, для кочующих семей наиболее актуальной оказалась подготовка к школе, потому что без кочевого детского сада детям сложнее адаптироваться в поселковой школе. В ямальской тундре частные домохозяйства разбросаны дисперсно, сохранилось семейное кочевание, все поколения владеют родным языком. Сейчас на Ямале работает около 20 кочевых детских садов и есть только одна стационарная кочевая школа писательницы Анны Павловны Неркаги. До 2016 г. существовали еще и «нулевые» классы, которые хоть и не решали полностью проблему адаптации детей в школе, но облегчали ее. Преподавание в подготовительных классах велось на ненецком языке. Несмотря на то что в последние десять лет дети, которые приходят в школу, уже в той или иной степени владеют русским языком, они не успевают освоить в достаточной мере русский язык и сталкиваются с проблемами при переходе в первый класс,

где языком обучения является русский. С 2016 г. «нулевые» классы отменили, но даже расширяющаяся система кочевых школ не может охватить всех кочующих детей. И, таким образом, на данный момент ситуация ухудшилась.

В некоторых районах (например, в Приуральском районе ЯНАО), где еще 20 лет назад дети и взрослые могли владеть четырьмя языками, сейчас у родителей есть установка говорить с детьми на русском языке, чтобы им потом было проще освоиться в школе. Вопрос языковой адаптации в начальной школе стоит остро и для Ямало-Ненецкого автономного округа, и для западного Таймыра. Важно, с одной стороны, разрабатывать программы и методики преподавания, направленные на развитие речи (в том числе и на родном языке), учитывающие различные языковые компетенции детей. Так, например, дети из кочующих семей чаще владеют родным языком, а живущие в поселках — нет, и в школах идет разделение, и предмет «Родной язык» преподается только первым. С другой стороны, необходимо вводить обучение в начальной школе на родном языке и создавать таким образом языковую среду.

В заключительной части доклада Александра Николаевна обратила внимание, что для решения этих задач могут быть актуальны лингвистические исследования двуязычия, использования языков коренных народов в образовании, методики языкового погружения, языковой среды в кочевой и поселковой школах. В кочевых школах как раз можно проводить такие исследования.

После доклада участники заседания обсудили вопросы, касающиеся учебных материалов, обучения на языке, сохранности межпоколенческой передачи, проблему педагогических кадров для кочевых школ, а также какую роль играют кочевые школы в сохранении языка и каков образовательный путь выпускников кочевых школ.

Артем Сергеевич Федоринчик, кандидат филологических наук, типолог, преподаватель, редактор и переводчик, уточнил у докладчика, какая сейчас ситуация с учебными материалами и легко ли включать новые учебники в перечень ФГОС. Александра Николаевна ответила, что на Ямале постоянно ведется работа над изданием новых пособий, в том числе за счет того, что это материально обеспеченный округ. За последние три года была подготовлена новая линейка учебников по всем языкам коренных народов округа с 1-го по 9-й класс. Хотя эти учебники не предлагают новых методик, в них появляются реалии современной жизни региона. При этом пока изданные учебники не поступили во все школы, потому что есть сложности с включением в федеральный перечень.

Алексей Аркадьевич Яскевич, компьютерный лингвист и языковой активист, спросил, почему нет обучения на ненецком языке после «нулевого» класса. Александра Николаевна пояснила, что это связано во многом с стереотипом, что дети тогда не освоят русский язык,

который передается от федеральных властей вниз и доходит до учителей. При этом часто в воспоминаниях или публичных выступлениях звучит мысль, что трудности в обучении на русском языке, с которыми сталкивается ученик начальной школы, вполне преодолимы и не представляют большой проблемы. Кроме того, дополнительным фактором может быть небольшая доля коренного населения в общей численности населения региона, а также статус региона. Вячеслав Иванович Шадрин, научный сотрудник отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, добавил, что жесткие требования и стандартизация образования также препятствуют развитию обучения на языках народов Севера. Например, есть требование, что на определенном языке должна быть полностью вся линейка учебников, все предметы. В 2005–2006 гг. начинаются проверки Рособнадзора и штрафные санкции. В Якутии две последние школы, где в 2000-х годах еще было обучение на эвенском языке (Себян-Кюёльская и Берёзовская школы), к 2010 г. были вынуждены перейти на русский язык обучения, хотя там было живое общение на эвенском языке.

Мира Викторовна Бавуу-Сюрюн, профессор кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского государственного университета, главный научный сотрудник Центра развития тувинской традиционной культуры и ремесел Республики Тыва, отметила, что проблемы учеников из-за языкового барьера в начальной школе связаны с методологической непроработанностью вопроса адаптации к школе не владеющих русским языком учеников. Александра Николаевна прокомментировала, что вся система школ-интернатов и кочевых школ требует доработки и сильных изменений, что позволит реализовать весь заложенный в ней потенциал. Ведь в школе-интернате, например, дети находятся 24 часа в сутки, и там можно было бы создать прекрасные условия и языковую среду в том числе. Василий Сергеевич Харитонов, научный сотрудник Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России, сооснователь проекта «Страна языков», предположил, что адаптированное погружение в русский язык и многоязычное образование могут замедлять языковой сдвиг. Александра Николаевна согласилась и добавила, что практика запрета использовать родной язык в школах и раздражение учителей по отношению к непонимающим их ученикам позже, когда запрет был уже снят, создало негативное отношение у представителей коренных народов к использованию родного языка, что ускорило прерывание межпоколенческой передачи. Сейчас для изменения таких настроений можно издавать методички для разных участников образовательного процесса.

Антонина Афанасьевна Винокурова, заведующая кафедрой северной филологии СВФУ им. М. К. Аммосова, педагог кочевой школы, выразила мнение, что вопрос языковых аспектов

образования должен решаться комплексно, на региональном и государственном уровне, что это не должно быть проблемой одной школы или одного района. При этом необходимо опираться на научное обоснование, например на Концепцию кочевой школы, созданную Василием Роббеком.

Мария Васильевна Орешкина, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям ИЯз РАН, уточнила, разговаривают ли в семье родители с детьми на родных языках. Александра Николаевна ответила, что межпоколенческая передача языка сохраняется в основном в кочующих семьях, хотя и не во всех. При этом на Ямале с начала 2000-х годов есть подъем самосознания. Представители сообщества пытаются говорить на ненецком языке, развивать представленность языка в городском пространстве и сети интернет. Престиж ненецкого языка повышается, у молодежи есть к нему интерес.

Вячеслав Иванович Шадрин рассказал, что в Якутии в 1990-х годах, когда появлялись первые кочевые школы, можно было оформлять педагогами своих дедушек, бабушек, которые не имели специального образования. Но затем требования стали более жесткими и без педагогического образования уже нельзя работать воспитателем в детском саду или учителем в школе. Вячеслав Иванович поинтересовался, встречались ли докладчице кочевые школы или детские сады, где воспитателями были люди из данного рода, члены семьи. Александра Николаевна ответила, что есть практика оформления воспитателем кочевого детского сада хозяйки чума. Однако кочевая жизнь предполагает очень большой объем работы для женщины. У хозяйки очень мало времени остается для полноценных занятий с детьми, направленных на подготовку к школе, т.е. одно дело – это традиционное воспитание, привычное для тундры, а другое — определенные задачи, связанные с дальнейшим поступлением в школу. Александра Николаевна считает, что хорошим решением этого вопроса могла бы быть практика студентов-педагогов из сообщества. Для родителей важно, чтобы воспитатели были из тундрового сообщества, потому что нужен педагог, который умеет кочевать, не нарушает запреты, умеет запрячь оленя и так далее. *Светлана Абрамовна Васильева*, педагог кочевой школы Усть-Нюкжи (Амурская область) выразила желание, чтобы побольше было молодых учителей.

Андрей Александрович Кибрик, д.ф.н., директор Института языкознания РАН, заведующий отделом типологии и ареальной лингвистики и сектором ареальной лингвистики, предложил Александре Николаевне поделиться своим видением ситуации: способствуют ли кочевые школы сохранению языка или оказывают другой эффект. Александра Николаевна высказала мнение, что кочевые школы могут быть площадкой для применения различных методик поддержки языка, но на данный момент этот потенциал в большинстве случаев не

реализован. При этом важно понимать, что ситуация в каждой кочевой школе уникальна и что такие школы иногда создаются, чтобы решить конкретные задачи конкретных семей.

Вячеслав Иванович Шадрин добавил, что поэтому кочевых школ мало, ведь это своеобразный социальный заказ. Со временем все меньше женщин остается в стадах, а значит становится все меньше кочующих детей. Не в последнюю очередь это связано с финансированием оленеводства, которого не хватает на зарплату для чум-работниц. С другой стороны, многие школы держатся на энергии старейшин, знатоков языка и культуры. Вячеслав Иванович привел в пример кочевую школу Нутендли (Нижнеколымский район, Якутия), куратором которой он был. Сердцем этой школы была Акулина Афанасьевна Кемлиль, которая хотела работать с детьми, передавать им больше знаний о языке и культуре. С ее уходом и школа практически перестала существовать.

Игорь Семенов задал вопрос о дальнейшем образовательном пути учеников кочевых школ. Александра Николаевна рассказала, что на Ямале дети из кочевых семей преимущественно учатся до 9-го класса, потом многие поступают в колледж или в зоотехническое училище в Салехарде, некоторые уезжают обратно в тундру, кто-то остается учиться до 11-го класса и готовится к поступлению в ВУЗ. У Ямала есть несколько регионов и конкретных вузов, с которыми разработаны целевые программы. Это, например, Санкт-Петербург и РГПУ им. А. И. Герцена (Институт народов Севера). Кроме того, основными направлениями, куда уезжают учиться в вузы, являются Москва, Тюмень, Омск и Киров. Вячеслав Иванович Шадрин добавил, что в Якутии есть кочевые школы до 9-го класса: Кенэлэкэн (Оленёкский район, Якутия) и Угут (с. Хатыстыр, Алданский район, Якутия). Среди их выпускников есть те, кто получил и высшее образование. Получение кочевого образования расширяет возможности человека, а не является ограничением. Выпускники могут сделать выбор, остаться на родине и продолжить заниматься, например, оленеводством или куда-то переехать. Процент возвращающихся домой после получения дальнейшего образования больше среди тех, кто учился в кочевой школе, чем в поселковой.

Алексей Аркадьевич Яскевич спросил, есть ли перспективы у дистанционного образования для детей из кочующих семей, когда учитель не кочует, а взаимодействует с учеником через Интернет. Александра Николаевна отметила, что, с одной стороны, перспективы распространения сети Интернет в тундре очень призрачные, а с другой стороны, бытовые условия и распорядок кочевой жизни не располагают к дистанционному обучению.

В завершение заседания *Наталья Васильевна Ситникова*, заведующая отделом кочевого образования Федерального института родных языков народов РФ, прокомментировала ситуацию с кочевым образованием в Якутии, которое сейчас довольно активно развивается.

По данным отдела кочевого образования, кочевые школы по большей части билингвальные, есть и многоязычные. Однако проблемы, связанные с языковым барьером в обучении, все же есть, как и угасание родных языков и кочевого образа жизни. В то же время там, где кочевое оленеводство сохраняется, кочевые школы необходимы, а для этого нужны люди с педагогическим образованием и опытом жизни в общине. Сейчас существуют дистанционные педагогические курсы для хозяек чумов, например от Таймырского колледжа и Якутского педагогического колледжа. Кроме того, изучаются возможности дистанционного образования и тьюторства для детей старшего возраста, которые выбирают кочевать вместе с родителями и активно участвовать в ведении хозяйства. Есть программы дополнительной подготовки, которые готовят тьюторов для занятий со старшими детьми.

Наталья Васильевна также рассказала, что в Якутии у детей есть возможность летом работать в оленеводстве, что позволяет им погрузиться в язык и культуру. Хорошей практикой была бы и организация детских лагерей с погружением в язык с использованием таких методик, как «Мастер-Ученик» или «Языковое гнездо». Такие языковые лагеря можно делать межрегиональными, чтобы люди из районов, где язык сохранился лучше, могли поддерживать языковую среду для владеющих языком в меньшей степени. В Якутии есть молодые родители, которые целенаправленно говорят с детьми на якутском и английском языках, при этом русский язык дети осваивают через детский сад, мультфильмы и т.д. То есть мотивационный вопрос для этих семей не стоит, для них естественно многоязычие и владение родным языком.

Подводя итог, А.А. Кибрик выразил благодарность докладчице и участникам заседания, подчеркнув, что это был первый доклад на заседаниях клуба на подобную тематику. После доклада состоялась живая дискуссия, на которой в том числе выступили люди, знающие кочевые школы изнутри.

Более подробно ознакомиться с материалами 16-го заседания Дискуссионно-аналитического клуба можно на сайте Института языкознания РАН по ссылке https://iling-ran.ru/web/index.php/ru/workshops/220322_daclp.

Е.М. Будянская, А.П. Евстигнеева
Институт языкознания РАН

Будянская Елена Михайловна – младший научный сотрудник, Научный центр по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН.
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1/1.
Эл. адрес: budyanskaya.lena@iling-ran.ru

Евстигнеева Анастасия Павловна – младший научный сотрудник, Научный центр по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН.
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1/1.
Эл. адрес: a.evstigneeva@iling-ran.ru

Для цитирования: Будянская Е.М., Евстигнеева А.П. Шестнадцатое заседание Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике (Москва, Институт языкознания РАН, 24 марта 2022 г.) [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2022. № 2 (10). С. 193–201. DOI:10.37892/2713-2951-2-10-193-201

For citation: Budyanskaya E.M., Evstigneeva A.P.. Sixteenth meeting of the Discussion and analytical club on language policy (Moscow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, March 24, 2022) [online] // Sociolinguistics. 2022. No. 2 (10). Pp. 193–201. (In Russ.) DOI:10.37892/2713-2951-2-10-193-201